

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**

25

Москва · 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
и 88

Авторы:

Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева

Редакторы:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. – 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев. К акцентуации праславянских <i>o</i>- и <i>u</i>-основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах</i>	5
<i>Сладжсана М. Цукут. Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах</i>	149
<i>С. В. Князев. Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон</i>	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие</i>	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько. Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования</i>	236
<i>А. В. Малышева. Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья</i>	260
<i>М. Н. Толстая. Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая</i>	282
<i>Ж. Ж. Варбом. Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i></i>	302
<i>Н. Е. Ананьева. Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами</i>	305
<i>Т. В. Шалаева. Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)</i>	316
<i>А. Б. Коконова. Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в северорусских говорах</i>	326
<i>Д. Н. Гальцова. Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах</i>	334
<i>А. Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

И. А. Букринская,
О. Е. Кармакова
(Москва)

Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие

Статья посвящена истории изучения псковско-витебского пограничья, в ней сопоставляются исследования Е. Ф. Карского, Н. Н. Соколова, П. А. Бузука, Н. И. Зорина с данными современных экспедиций, а также сравниваются различные классификации русских диалектов. Авторы подробно описывают говоры Невельского района Псковской обл., опираясь на собственные материалы, собранные в полевых условиях в 2006 г. В работе делается вывод о том, что рассматриваемые говоры исторически восходят к псковским: в них сохраняются реликты системных архаизмов, а также лексика, связанная с Северо-западной и Северной диалектными зонами. В процессе развития они вобрали в себя черты окружающих идиомов, в результате именно сочетание признаков разных диалектных образований и составило их специфику.

Ключевые слова: русско-белорусское пограничье, лексические изогlossenсы, диалектное членение, системные архаизмы, псковские говоры.

Пограничные территории всегда были объектом пристального внимания специалистов в разных областях знаний: историков, социологов, этнологов и, безусловно, лингвистов. Подобные зоны испытывают в процессе исторического развития различного рода изменения, народы, их населяющие, взаимодействуют, перенимая друг у друга элементы материальной, духовной культуры и языка, тем более когда эти народы близкородственны.

Диалекты русско-белорусского пограничья привлекали и до сих пор привлекают внимание языковедов, которые отмечают континуальный характер этого лингвистического пространства, т. е. отсутствие резкого перехода от одной языковой системы к другой, в отличие от иных пограничных территорий. Изучая названные идиомы, лингвисты в первую очередь старались определить их принадлежность к русскому или белорусскому языку, при этом всякий раз обращалось внимание на сложную историческую судьбу региона.

В 1903 г. Е. Ф. Карский опубликовал карту «Расселение белорусского племени и белорусского языка», на которой северная граница белорусского языка проходит по южным частям Опочецкого, Великолукского и Торопецкого уездов, включая территории Невельского и Себежского уездов (при составлении карты во внимание принимались твердость / мягкость *r* и типы аканья). Но позже автор, придававший ключевое значение фактическому материалу, писал, что эта граница имеет условный характер: «Говоры юга Псковской губ. и тип населения при беглом личном знакомстве произвели на меня впечатление великоруссов. Дзеканье в некоторых местах действительно наблюдается, но из того только считать речь белорусской я не решаюсь, так как свидящее произношение мягких *d* и *t* кое-где можно встречать и в др. местах Великоруссии» [Карский 1908: 279].

Н. Н. Соколов, побывавший в экспедициях в Псковской губ. в 1911 г., писал о том, что говоры южной части Опочецкого, Великолукского, Торопецкого уездов не относятся к белорусским, сохраняют облик переходных на северновеликорусской основе, не имеют дополнительных белорусских черт в сравнении с северными частями этих уездов, а проезжая по Невельскому и Себежскому уездам, отмечал: «На основании тех отдельных случаев, когда мне приходилось встречать при проезде по югу Псковской губ. жителей пограничных местностей Себежского и Невельского уезда, я сказал бы, что псковский говор продолжается несколько и за границей Псковской губ.» [Соколов 1919: 11].

На Диалектологической карте русского языка в Европе (1914 г.) Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколова (позже, в 1927 г., уточнена Н. Н. Дурново) рассматриваемые говоры входят в состав переходных к белорусским на северновеликорусской основе (Псковская группа).

В 1926 г. достаточно остро встал вопрос об уточнении административной границы Белоруссии, при этом в первую очередь принимался во внимание язык населения пограничных территорий и их этнографический состав. Изучить говоры Невельского и Велижского уездов в качестве представителя белорусской стороны был послан известный славист П. А. Бузук, который в 1926 г. по итогам экспедиции опубликовал работу «Да хара́ктарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельска-га і Вяліскага паветаў» [Бузук 1926]. С его точки зрения говоры названных территорий были белорусскими.

В связи с этой же проблемой и результатами исследования П. А. Бузука преподаватель Невельского педучилища Н. И. Зорин предпринял

свое обследование говоров пограничья. В 1927 г. появилась статья, в которой он доказывает, что «по [своему] этнографическому составу населения и по языку населения Невельский уезд следует отнести к южновеликорусским и что язык населения в основе своей южновеликорусский со значительным наслоением белорусизмов» [Зорин 1927: 36]. В конце 20-х годов началась дискуссия Н. И. Зорина с представителями Института белорусской культуры по вопросу об этнографическом составе населения Невельского уезда, при этом белорусская сторона резко выступила против точки зрения Зорина, обвинив его в великорусском шовинизме¹.

В 50-е годы территория пограничья обследовалась во время сбора материалов для Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ], в дальнейшем лингвистический ландшафт пограничья получил отражение на картах.

В 2003–2006 гг. полевые исследования говоров Городокского района Витебской обл. и Невельского района Псковской обл. были проведены сотрудниками ИРЯ РАН И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой, А. В. Тер-Аванесовой, в результате появилось развернутое описание этого лингвистического пространства [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008; 2017; Букринская, Кармакова 2020]². В это же время территорию пограничья экспедиционно обследовали и изучали этнологи, рассматривая вопрос об идентичности и культурной специфике данного региона [Белорусско-русское пограничье 2005].

Остановимся подробнее на сопоставлении материалов, собранных П. А. Бузуком, Н. И. Зориным и экспедицией ИРЯ РАН спустя 80 лет.

---

¹ «В 1927 году Зорин принял участие в работе 1-го Псковского губернского краеведческого съезда с докладом “Об этнографическом составе населения Невельского уезда”, написал также статью — “Говор и народное творчество населения Невельского уезда”. Работа не была полностью завершена — 2 июня 1930 года Зорин был арестован и выслан из Невеля» <https://nevelikc.ru/nevelskij-kraj/pamyat-nashe-bogatstvo/vse-dorogi-vedut-v-nevel/> (дата обращения: 15.11.2024).

² В статьях указано, что говоры Невельского района вместе с говорами соседних районов на территории Белоруссии по многим диалектным особенностям составляют единый идиом, который отличается как от соседних русских говоров, так и от соседних белорусских.

Таблица 1

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
Фонетические явления		
1. Диссимилятивное аканье ⁴ : <i>нагу, каго, бальшей, сыбака, быльшак</i>	Диссимилятивное аканье и сильное аканье: <i>трыва, выда, галава, вада</i>	Диссимилятивное аканье: <i>скъзала, бътвá, барнúет</i> и сильное аканье: <i>лазá, парéзъли најжáм, учарá, стайнки</i> ⁵
2. Диссимилятивное яканье (белор. типа) и иканье: <i>лясы, у сястри, бяри, ў лісах, систра, біраги, іна</i>	Сильное яканье: <i>ряка, вясна, сястра</i>	Диссимилятивное яканье белор. (жиздринского) типа: <i>с"истрá, с"астры, с"астрóй, с"ястрé, с"алó, рякóй</i> ; единичные отступления в сторону сильного яканья: <i>с"астрá, налявáй, янá, тягúть</i>
3. Отдельные примеры второго полногласия: <i>біс пакоремкі, на вярёх</i>		Единично фиксируется <i>вярёх</i>
4. Замена безударного <i>у</i> на <i>ы</i> : <i>воздых, пазыха, вырычка, замыш</i>		Утрата лабиализации <i>у</i> в безударных слогах в отдельных словах: <i>кóжых, вóздых</i>
5. Как и в других северо-восточных блр. диалектах, в невельском прилагат., поряд. числите, мест. за-канчиваются на <i>-ый, -ий</i> и <i>-эй, -ей</i> : <i>мыладый, вась-мый, мыладэй, бальшэй</i>	В прилагат., мест. и числите. в И., В. пп. ед. ч. м. р. окончание <i>-эй (-ей), -ий: сляпэй, криезэй, такэй, баль-ший, реже -ый: злы́й, дурны́й</i> . В ж. р. в Р. и Д. пп. <i>-эй, -ей: однэй, другэй</i>	Судьба напряженных редуцированных перед <i>j</i> : в прилагат., порядк. числите., мест. в И./В. пп. ед. ч. м. р. окончание <i>-эй, -ей, -ый, -ий: втарэй, втарый, бальшэй, бальший, плахэй, плахый, такэй, такый, другэй, другый, какэй, мыладэй..</i> Формы на <i>-эй</i> преобладают у людей старшего поколения (20–30-х гг. рождения)

³ Материал собран в дд. Усть-Долыссы, Лобок и Шеляково.⁴ В работах П. А. Бузука и Н. И. Зорина ударение в примерах не проставлено.⁵ Примеры даются в упрощенной транскрипции.

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
6. Сохранение <i>ы</i> перед <i>ж</i> и йотированным гласным в глаголах: <i>мый, мыеща, крывающ</i>	В повелит. накл.: <i>мый, крый, ший</i> , более редко: <i>мой, крой, шей</i>	Судьба напряженных редуцированных перед <i>ж</i> в глагольных формах, [ы] в корне: <i>тирямью, памыещь, тилямьещь, крью, накрываешь</i>
7. В большей части северных и восточных белор. диалектов и в Невельском уезде <i>р</i> мягкое: <i>гыварю, чацьверег, трёх, к сястре, на гаре</i>	<i>P</i> твердое крайне редко (на месте <i>p'</i>)	Зафиксирован только [p']: <i>вичиряТЬ, үрибóй, рýга, примáк, тилябóть</i>
8. Замена <i>л</i> на <i>ў</i> в таких словах, как <i>воўк, поўны</i> , а также в формах гл. прош. вр. м. р.: <i>шукаў, быў, даў, схываўся</i>	На месте <i>л</i> – <i>в</i> : <i>воўк, довго, быв, пришов</i>	В формах прош. вр. глаголов м. р. на месте <i>л</i> произносится <i>ў/w: пришоў, паслаў, забраў, дёвся</i> . Не в глаг. формах единично, возможно, лексикализовано: <i>воўна</i> ‘шерсть’ (устар.)
9. Широко распространено дзеканье, цеканье — северная граница заходит далеко в Псковскую губ.: <i>дзяяреўня, бандзіты, Дзевини</i>	Дзеканье, цеканье: <i>тсьётя, дзядя</i>	На месте [д'] и [т'] представлены аффрицированные звуки: [д ^{з3} '], [т ^с ']: <i>д^{з3}'ёвъчка, д^{з3}'ареўня, ут^сакли</i>
10. После гласных начальное <i>у</i> произносится как <i>ў</i> : <i>я ўкажу, ў горадзі</i>		[в] является сонантом, соответственно перед последующим согласным и на конце слова произносится [ў], наряду с [ф]: <i>дяреўня, вярёука, роў, часоў, кароф, хлеў, хлеф</i> ; в начале слова — [у]: <i>уручнўю, утарэй, урёма, удвайом</i> На месте предлога <i>в</i> произносится [у] не после гласного: <i>у лясў, у тюрмў, у Рýги</i> (в Риге) и [у] или [ў] после гласного: <i>а ў дáннъй урёма</i>
		На месте <i>ф</i> отмечается произношение [хв], [х]: <i>кóхта, хворс, хварсít, Хвидо́сья, Трахím</i>

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРИЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
11. На месте *dʒ в невельских говорах звук жс, а не аффриката дж: хожсу, сяжсу, урожай	В 1 л. ед. ч. таких гл., как <i>видеть</i> , <i>глядеть</i> , <i>ходить</i> : <i>вижсу</i> , <i>гляжсу</i> , <i>хожсу</i> , нет белор. форм с дж	Не зафиксирован дж на месте *dʒ: <i>уляжсу</i> , <i>хажсу</i> , <i>вижсу</i>
12. Шипящие не всегда твердые, перед гласными переднего ряда могут произноситься как полу-мягкие: <i>чиста</i> , <i>вечеряць</i> , <i>женичина</i> , <i>жерябцы</i> , <i>живи</i> , <i>большай</i>	ч твердое и мягкое	Зафиксирован [ч] и [ч'], у старшего поколения преобладает [ч]: <i>час</i> , <i>ночы</i> , <i>чым</i> , <i>чем</i> ; [ж], [ш] всегда твердые
13. В сочетаниях согласных с <i>ј</i> перед следующим ударным произносится мягкий долгий согласный: <i>жицы ѡёт</i> , <i>каменъні</i>		Произношение мягких долгих согласных в соответствии с сочетаниями согласных с <i>-j</i> : <i>куттյá</i> , <i>свиннý</i> , <i>плáття</i>
14. <i>ð</i> перед <i>н</i> часто заменяется на <i>н</i> : <i>хóллano</i> , <i>сягónьня</i> , <i>аннá</i> , <i>лánна</i>	На месте <i>ðн</i> — <i>нн</i> : <i>ранной</i> ; на месте <i>ðм</i> — <i>мм</i> : <i>омман</i>	Ассимиляция фиксируется единично: на месте <i>ðн</i> — <i>нн</i> : <i>лánна</i>
15. В местоимениях, соответствующих литер. <i>гэты</i> , на месте <i>г</i> произносится <i>ј</i> : <i>етый</i> , <i>ета</i>		В указательных местоимениях в начале слова произносится <i>ј</i> : <i>јéттаму</i> , <i>јéттая</i>
16. Два примера претитического <i>i</i> перед согласным: <i>иржса</i> , <i>ирвала</i>		Протетический гласный: <i>иржанóй</i>
17. Цоканье в единичных примерах (в Велижском уезде): <i>царноха</i> ‘чёрная корова’, <i>пецка</i> ‘печка’	Цо канъе / чоканъе встретилось в 3–4 словарях	Мягкое цоканье отмечено единично у информантов старшего поколения: <i>ц'илавéк</i> , <i>фсáц'ина</i> , а также в поговорке: <i>пскавиц'яне те жь анулиц'яне</i> , <i>толька нарéц'я другбе</i>
18. «Шепелявость» (в Велижском уезде): <i>шягоньня</i> ‘сегодня’, <i>Вічепшык</i> ‘Витебск’	Шепелявость на месте <i>с</i> мягкого в некоторых словах: <i>шклянка</i> , <i>шабля</i> , <i>шерый</i> , <i>шаша</i> (шоссе), <i>шкребется</i>	На месте мягких свистящих [с'] и [з'] произносятся альвеоло-палатальные (шепелявые) звуки [с’]: <i>с'ястрá</i> , <i>с'юдý</i> , <i>с'илáхи</i> , <i>с'илáтьба</i> ; непоследовательно [з’]: <i>з'имá</i> , <i>з'арнó</i>

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
Грамматические явления		
1. Отсутствие старого смягчения задненёбных перед «и», «е» (ѣ), собственных белорусскому языку: <i>рука – руцѣ, нога – назѣ, блыха – блысѣ</i>	Нет чередования со свистящими: <i>рука – руце, нога – ноге, стрека – стресе</i>	Нет чередования со свистящими: <i>рукé, ногé, блахé</i>
2. В словах ж. р. ед. ч. смешение Р. п. с Д. и М. пп.: Р. п. <i>приняісі вадзе, быў у куме;</i> М. п. <i>ляжыць на вады, быў на вайні;</i> Д. п. <i>пайцы к удавы, сяжу ў хаты</i>	У сущ. ж. р. ед. ч. в Р. п.: <i>от ряке, 2 пуда муке;</i> в Д. п.: <i>иду к сестры, к избы;</i> в П. п.: <i>на горы, на стороны, в дяревни</i>	«Обратное распределение» у сущ. ж. р. а-склонения в ед. ч. — в Р. п. окончание -е: <i>удоль саснé, из мукé, у ма́ме, две хáте,</i> в Д. и П. пп. окончание -ы: <i>к с"ястры, на вады, а с"ястры, у залы, у ўлавы, на вады</i>
3. Замена старой формы Т. п. мн. ч. формой Д. п.: <i>з рукам, з ныгáм, з агурацáм, над нам, з братам</i>	Самой устойчивой и повсеместно распространенной формой у сущ. является форма Т. п. и Д. п. мн. ч. на -ам: <i>с рукам, с ногам</i>	Широко представлена общая форма Д. и Т. пп. во мн. ч. сущ.: <i>парéзали најсáм, з нéмцам, касítуть късáм, хóдють с свайм винтóвкам да с прутáм</i>
4. И. п. сущ. мн. ч. м. р. имеет окончание -ы: <i>лясы, гырады, браты, глазы</i>	И. п. сущ. мн. ч. на -ы: <i>гарады, улазы, браты, дровы</i>	И. п. сущ. мн. ч. м. р. с окончанием -ы: <i>браты, уара́ды, улáзы, дóмы, дамы́, зубы́, рóгу и др.</i>
5. Формы сущ. И. п. мн. ч. ср. р. на -ы: <i>вазёры, калёсы, каменныi, яблыкі</i> (правда, тут -ы могло возникнуть фонетически)		Формы сущ. И. п. ср. р. на -ы: <i>вёдры, óкны</i>
6. При словах <i>два, три четыре</i> существительные употребляются в формах, собственных мн. ч. м. р.: <i>три браты, два сыны.</i> Формы ж. р. <i>дзъве хацi, дзъве каровi</i> можно объяснить смешением форм Р. и Д. пп.		В счетных формах: <i>два браты, две хаты, три бáби</i>

1926 г. П. А. Бузук	1926 г. Н. И. Зорин	2006 г. ИРЯ РАН, экспедиция в Невельский район ³
7. Заслуживают внимания формы М. п. сущ. м. и ср. р. с окончанием <i>-у</i> : <i>у глухим лясу</i> , <i>в прошлом году</i> , <i>в тым концу</i>		Формы на <i>-у</i> в М. п. сущ. м. р.: <i>у лясӯ</i> , <i>у дамӯ</i> , <i>на канӯ</i> , <i>на канӯ</i>
8. Ударение на окончании в формах В. п. ед. ч. ж. р.: <i>гылаву</i> , <i>зямлю</i> , <i>нагу</i> , <i>ваду</i> и на 2-м слоге в словах: <i>нічога</i> , <i>нікога</i>		Ударное окончание у сущ. ж. р. в В. п.: <i>үллавӯ</i> , <i>зямлю</i> , <i>рякӯ</i> , <i>нъ үарӯ</i> , <i>пъд з”имӯ</i> . Наосновное ударение в Р. п. местоимений: <i>чоӯа</i> , <i>коӯа</i> , <i>төӯа</i> , <i>ничоӯа</i> , <i>никоӯа</i>
9. Формы местоимений: <i>ён</i> , <i>іна</i> , <i>яна</i> , <i>яно</i> , <i>яны</i> , Р. п. <i>яго</i> , <i>яе</i> , Д. п. <i>яму</i> , <i>ей</i> , <i>им</i> , М. мн.: <i>яны</i> , <i>их</i> ; Р. п. <i>мяне</i> ; от <i>той</i> мн. ч. <i>тые</i>	Формы мест.: <i>ён</i> , <i>яна</i> , <i>ина</i> , <i>яно</i> , <i>явоный</i> , <i>яюоный</i> , <i>ейный</i>	Большая вариативность форм мест.: <i>он</i> , <i>ён</i> , <i>инá</i> , <i>анá</i> , <i>янá</i> , Р. п. <i>яүо</i> , <i>еүо</i> , <i>у ей</i> , <i>её</i> , В. п. <i>яé</i> , <i>на яé</i> ; мн. ч. <i>анý</i> , <i>инý</i> , <i>анý</i> , <i>янý</i> ; Р. п. <i>мянé</i> , <i>у минé</i>
10. Глаголы в 3 л. ед. ч. имеют окончание <i>-ць</i> : <i>ня-сець</i> , <i>сядзіць</i> . В 3 л. мн. ч. в безударном положении окончание <i>-юць</i> , <i>-уць</i> : <i>носюць</i> , <i>гаво-рюць</i>		Глаголы в 3 л. ед. ч. и мн. ч. оканчиваются на [т’]: <i>идéть</i> , <i>үарíть</i> , <i>спáть</i> , <i>ждóуть</i> . Совпадение в [ут] безударных окончаний 3 л. мн. ч. гл. I и II спряжения: <i>дúмають</i> , <i>прауóньють</i> , <i>водють</i> , <i>хóдють</i>
11. Неразличение предлогов <i>с</i> и <i>из</i> , совпадение в з (перед глухими — <i>с</i>)		Подобное явление также было отмечено: <i>с тóуа балóта</i> , <i>з балóта вýтарнулся</i>
12. Деепричастия в функции сказуемого: <i>ён узяўши</i> , <i>яна ўшоти</i>		Деепричастия в функции сказуемого: <i>так не было зарóшии</i> , <i>была научы́ши вязáть</i>
13. Употребление формы <i>пришли ў двух</i> в значении ‘двоем, вдвоем’		Отмечены формы: <i>у двóх</i> , <i>у трéх аднӯ несклаðху паіуть</i> в значении ‘вдвоем’, ‘втроем’
14. Вопросительная частица <i>ци</i>	Вопросительная частица <i>ти</i>	Вопросительная частица <i>ти</i> : <i>Ти есть правá?</i> <i>Ти уку́сить он миня́, ти нет</i>

В работе П. А. Бузука было отмечено более 30 диалектных признаков, через 80 лет мы зафиксировали те же самые явления в говорах пограничья. Надо заметить, что исследователь не приводит некоторые черты, присущие как изучаемому идиому, так и белорусскому литературному языку, но для характеристики рассматриваемых говоров они важны, так как с позиций русского литературного языка являются диалектными, например:

1) в описываемых говорах на карте [ДАРЯ I, карта 44] и в материалах наших экспедиций отмечен фрикативный *γ* (это диагностическая черта, которая отличает южнорусское наречие от среднерусских говоров);

2) произношение долгих твердых шипящих *шч/ши* (*еiччó, воéнишиына, рaшиына 'закваска', вéшиши*) на месте долгих мягких шипящих — явление, свойственное большинству периферийных русских говоров, что отчетливо видно на картах [ДАРЯ I, карты 48, 49];

3) двусложные указательные местоимения *тáя, тóе, тýе* — ареал охватывает всю Западную диалектную зону русских говоров [ДАРЯ II, карты 70, 71];

4) форма В. п. личного местоимения 3 л. ж. р. *яé* распространена в южном и северном наречиях, а также в среднерусских говорах [ДАРЯ II, карта 67];

5) зафиксированы интересные формы глаголов 1 л. мн. ч.: *улядéм, сядéм* (*улядéм aдиn на уdnавó, при сосуществовании с улядíм, сядíм*).

Такие формы образуют небольшой ареал в говорах, сопредельных с Невельскими, в Городокском р-не Витебской обл., а также незначительный ареал на крайнем северо-западе Белоруссии. В [ДАБМ, карта 168] они трактуются как формы 1 л. мн. ч. повелительного наклонения глаголов 2 спряжения.

При этом явления, свойственные литературному белорусскому языку и не отмеченные в этих говорах, П. А. Бузук указывает. К ним относится отсутствие *p* твердого (на месте [p']), *дж* в глагольных формах (*хожsú, сижsú* на месте белор. *хаджsú, сяджsú*), чередования задненебных согласных со свистящими в склонении сущ. ж. р.: *рука – руце* и под.

Итак, мы видим, что ученый в оценке пограничных говоров исходил из сравнения их с белорусским и русским литературными языками, а не говорами этих языков. С такой же позиции оценивает рассматриваемые идиомы польский лингвист М. Янковяк, который проводил полевые обследования Невельского и Себежского районов в 2014 г. [Янковяк 2015]. Он полагает, что признаки, характерные для белорусского языка или для

его северо-восточного диалекта, проявляются на фонетическом и морфологическом уровнях (при высокой степени вариативности в речи информантов) — хотя и заключает, что «в говорах Невельского и Себежского районов преобладают черты, свойственные русскому языку, особенно в лексике» [Там же: 226]. Но нельзя забывать, что практически все явления, отмеченные в невельском и в северо-восточных белорусских говорах, характеризуют не только пограничье, но и русские говоры Западной и Юго-западной диалектных зон, а некоторые распространены гораздо шире: на север и северо-восток.

Приведем несколько типичных примеров: диссимилятивное аканье и яканье жиздринского (белорусского) типа охватывает целиком Юго-западную зону русских говоров [ДАРЯ I, карты 2, 8]; мягкие долгие согласные в соответствии с сочетаниями согласных с *-j* (*свиння, плáття, печéння*) преимущественно распространены в Западной диалектной зоне, а также в других периферийных русских говорах, отсутствуя в говорах центра и юго-востока [ДАРЯ I, карта 74].

Окончание *-ы/i* в И. п. мн. ч. у существительных м. р. *домы́, сыны́, лугы́, гла́зы* и др. фиксируется также в Западной диалектной зоне, а некоторые формы — в северных говорах [ДАРЯ II, карты 24, 25]. Синкетизм Д. и Т. пп. у существительных мн. ч. — *рукам тягáть, косить косам, машинам добирáлись* — распространен в Северо-западной и Северной диалектных зонах [ДАРЯ II, карта 41].

Невельские говоры, в соответствии с диалектным членением Захаровой — Орловой, которое было разработано на основе материалов региональных атласов и ДАРЯ, относятся к западной группе южного наречия [Захарова, Орлова 1964; 1970]. Авторы опирались, как правило, на анализ и сопоставление фонетических и морфологических изоглосс, при этом лексические признаки в качестве основных рассматривались редко.

В 90-е гг. по материалам ДАРЯ Н. Н. Пшеничнова создала структурно-типологическую классификацию, где учитывались все признаки, отраженные в атласе, и все они были одинаково релевантны [Пшеничнова 1996]. Следует также обратить внимание на то, что в этой работе говоры рассматривались вне территории, т. е. на каждом уровне деления определяется принадлежность говора к какой-либо классификационной единице по сходствам и различиям учитывающихся признаков. И только после такого разбиения его результаты были спроектированы на карту. Типологическая классификация, демонстрируя континуальность русского диалектного ландшафта, подробно показывает переходные и разнородные

типы говоров. Принципиально новым по сравнению с предшествующими классификациями стало выделение на первом уровне разбиения Западнорусского диалектного типа наряду с Севернорусским, Южнорусским диалектными типами и Среднерусскими говорами (переходными между Севернорусским и Южнорусским д. т.) [ДАРЯ III, карта III].

Особый диахронический подход демонстрируют работы С. Л. Николаева. Он предлагает свой взгляд на членение восточнославянского континуума: «...мы считаем себя вправе несколько видоизменить признанную в русской и белорусской диалектологии картину членения говоров, выдвигая на первый план родство диалектов по признаку наличия в них системных архаизмов древнейшего периода» [Николаев 1988: 116].

Специфика этих говоров сохраняется до сих пор. Так, в невельских идиомах у носителей старшего поколения единично отмечены архаические черты, связывающие их с Северо-западной диалектной зоной, в первую очередь с южнопсковскими говорами. Как уже говорилось, там зафиксированы лексикализованные следы второго полногласия — *вярёх*, *кором*. Изоглосса этого явления характеризует русскую Северо-западную диалектную зону, что показано в [ДАРЯ I, карты 91, 92]. В невельских идиомах также единично встретились глагольные формы *повéхай*, *повéхаю*, *повéхали*, *вывéховать*, где *x* < *sj. Все примеры, отражающие рефлексы праславянских *sj, *zj в псковских говорах, подробно рассмотрены в работах [Глускина 1962; 1979; Николаев 1988]. С южнопсковским ареалом связано, по Николаеву, накоренное ударение в формах глагола *врати (*брать*), у нескольких информантов отмечены формы *сбéрущца* (соберутся) и *забéрущца* (заберутся).

Еще одна важная диагностическая черта, различающая восточнославянские идиомы, — особая судьба напряженных редуцированных перед *j*. С. Л. Николаевым выделены две позиции: 1) перед праславянским редуцированным следующего слога — это окончание *<uj>, *<ij> прилагательных мужского рода и 2) в прочих условиях — например, в презенсе у глаголов *мою*, *крою*, *рою*; на восточнославянской территории ученый выделяет несколько систем соотношения рефлексов редуцированных: «*о б щ е р у с с к а я*» с *о* в обеих позициях: *молодо́й*, *крою*; «*з а п а д н а я*» (*молодо́й* : *крыю*), свойственная большей части украинских и белорусских говоров, а также их литературным языкам. А в невельских говорах распространена иная система, условно названная «*с м о л е н с к о й*» (*молодо́й* : *крыю*) [Николаев 1988: 118–120], которая охватывает достаточно обширную территорию — восточные белорусские говоры и рус-

ские Юго-западной диалектной зоны, включая часть южнопсковских и новоржевских.

В рассматриваемых говорах у существительных женского рода *a*-склонения (1 скл.) представлено так называемое «обратное распределение» (см. Таблицу 1): в Р. п. окончание *-e*, в Д., П. пп. — окончание *-i* (-*yi*). В данном случае мы видим систему с различием Р. и Д., П. падежей в отличие от других северо-западных говоров, в которых представлены синкетические системы. Как известно из материалов ДАРЯ и данных экспедиций, системы с обратным распределением характеризуют русские южнопсковские говоры. Всё многообразие систем с синкетизмом и обратным распределением окончаний в восточнославянских говорах было исследовано в работах [Тер-Аванесова 1998; 2002]; см. также [Абраменко и др. 2013]. Истории изменения падежного синкетизма в новгородских говорах, а именно вытеснению к началу XVIII в. форм на *-i* формами на *-yi/-i*, посвящена работа [Галинская 2021]. В говорах по-границья отмечены следы акцентной парадигмы *d* у сущ. м. р.: *пад баком*, *насом*, *цвятом*, *карнём*, *бис карня*, *па снягү*, *тирядом*, *път палом*, *нет аbazу* (обоз). Подробно об особенностях этой парадигмы см. [Николаев 1989]⁶.

Те же самые архаические явления в невельских говорах были зафиксированы А. И. Рыко в экспедиции 2016 г. и подробно описаны в статьях [Рыко 2017; 2018], где приведены примеры второго полногласия, случаи «обратного распределения» и синкетизма падежных форм существительных ж. р. и др.

Таким образом, в исследуемом идиоме сохранились архаические черты, связывающие его с южнопсковскими говорами, которые, по мнению ряда ученых, восходят к племенному диалекту кривичей. Кривичи, судя по трудам археологов, занимали достаточно обширные территории. В связи с этим С. Л. Николаев считает, что их диалект был неоднородным, и выделяет несколько его разновидностей. Идиом, который мы рассматриваем, по наличию следов архаических явлений связан с южнопсковскими говорами, но в силу своего исторического и географического положения усвоил черты различных диалектных объединений; особенно наглядно это видно на материале лексики.

⁶ Весь материал по акцентуации сущ. м. р. в описываемых говорах приведен в Приложении, подготовленном А. В. Тер-Аванесовой к статье [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008].

Н. В. Большая, исследователь псковских говоров и автор большого числа работ по псковско-белорусскому пограничью, предложила проект словаря этой территории, который «позволит связать лексико-семантические системы, имеющие историческую общность» [Большая 2017а: 2; 2017б]⁷.

Обратимся к анализу лексических изоглосс. Невельские говоры характеризуются несколькими пучками изоглосс, которые были выделены нами в процессе анализа лексического своеобразия изучаемого ландшафта; эти пучки объединяют рассматриваемый идиом с разными единицами диалектного членения. Лексика традиционной крестьянской культуры, собранная в 2006 г., показывала достаточно высокую степень сохранности. Об этом же свидетельствуют материалы и более поздних экспедиций. Так, небольшой социолингвистический анализ был проведен под руководством Р. В. Ронько студентами НИУ «Высшая школа экономики». Материалом для него послужила как раз традиционная лексика, собранная в Западнодвинском районе Тверской области. Обследованный говор относится к Псковской группе и обладает чертами южнопсковских говоров. Анализ подтвердил, что «процесс утраты происходит медленно, большая часть лексем сохраняется в говоре, хотя и на разных стадиях витальности» [Ронько и др. 2024: 40]. В дальнейшем изложении при выделении пучков изоглосс мы будем ссыльаться и на материалы этой экспедиции.

В 1-й пучок входят изоглоссы, связывающие невельские, псковские, смоленские, новгородские говоры с Северной диалектной зоной.

Наличие суф. *-иц(a)* в названиях ягод: *брусни́ца*, *черни́ца*, *земляни́ца* при сосуществовании с суф. *-ик(a)* — *брусника*, *черника*, *земляника* [ДАРЯ 3, карта 86];

журави́на ‘клюква’ [ЛАРНГ, карта 119, 120];

óзимь ‘всходы озимых культур’ [ДАРЯ III, 1, карта 47];

орáть ‘возделывать землю’ [ДАРЯ III, 1, карта 45], отмечено единично у людей старшего поколения (в пассивном запасе);

нахáть ‘мести пол’ (в пассивном запасе), ‘возделывать какую-либо культуру’ [ДАРЯ III, 2, карта 100; ДАБМ, карта 265], изоглоссы лексем

⁷ К настоящему времени труд подготовлен, но не опубликован: «Перекрёстки и росстани»: вербальные взаимосвязи в русско-белорусском порубежье. Словарь / ред. Н. В. Большая; сост. Н. В. Большая, Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко, М. И. Муратова. Псковский государственный университет. 500 с. [Большая 2017б].

орать, пахать, а также изоглоссы форм с «ягодным» суф. **-иц(а/ы)** продолжаются на территории Белоруссии;

нáлец ‘ручка на косовище’ [ДАРЯ III, 1, карта 44; ДАБМ, карта 260];

вéрес ‘можжевельник’, наряду с номинацией **можжевельник** [ЛАРНГ, карта 67];

гýба, гýбы, гýбина и др. с этим же корнем ‘грибной нарост на стволе дерева’ [ЛАРНГ, карта 45];

хорóмы, хорóминка ‘большой хороший дом’ [ДАРЯ III, 1, карта 3], не распространяется на юг в смоленские и др. говоры.

Есть еще одна изоглосса, связывающая невельские говоры с говорами северного наречия и демонстрирующая морфологическое явление: изоглосса омонимии Д. и Т. пп. мн. ч. сущ. 1 и 2 склонения: **к рукáм, к домáм, с рукáм, с домáм** [ДАРЯ II, карта 41].

2-й пучок — общеzapадный. Он объединяет псковские, новгородские, смоленские, брянские и курские говоры, некоторые из этих изоглосс уходят в Белоруссию. Пучок включает следующие изоглоссы:

бáбка ‘малая укладка снопов’ [ДАРЯ III, 1, карта 50; ДАБМ, карта 286], ареал имеет более широкое распространение, захватывая северные говоры, другие изоглоссы этого пучка так далеко на север не распространяются;

корóмисел м. р. ‘коромысло’, более архаичная форма [ДАБМ, карта 249; Трубачев 2002: 20–21, карта];

нýва ‘поле’ [ДАРЯ III, 2, карта 82], небольшие ареалы есть и в северных говорах;

пýня ‘сарай для хозяйственного инвентаря или сена’ [ДАРЯ III, 1, карта 18; ДАБМ, карта 236];

мост ‘пол’ [ДАРЯ III, 1, карта 11], в современных говорах утратило указанное значение;

прáйник, прáльник, прáник ‘палка для выколачивания белья при стирке’ [ДАРЯ III, 1, карта 29]. Различные номинации от глагола **prati* являются общеzapадными, но для невельских говоров характерно наименование **прáйник**;

толокá ‘коллективная помощь в работе’ [ДАРЯ III, 1, карта 55; ДАБМ, карта 315];

дед, дедóвник ‘репейник’ [ЛАРНГ, карта 146, 147].

К этому пучку мы отнесли и лексемы, которые были записаны в экспедиции и подтверждены материалами словарей, но не вошли в Программу ДАРЯ, поэтому и не были картографированы:

груд ‘костер’, ‘небольшой костёр’ [БОС; НОС; ПОС; СОС; СРНГ];
гриб, грибы ‘туба, губы’ [БОС; ССГ; СРНГ].

3-й пучок — псковско-новгородский — включает изоглоссы, объединяющие псковские и новгородские говоры, некоторые из них захватывают северную часть смоленских говоров:

калика ‘брюкva’ [ДАРЯ III, 1, карта 58; ДАБМ, карта 276];

позём ‘навоз’ [ДАРЯ III, 1, карта 54]. Оба слова сохраняются только в пассивном запасе (заметим, что даже в 50-е годы прошлого века, когда собирался материал для ДАРЯ, лексема *позём* фиксировалась наряду с лексемой *навоз*);

косовъё ‘рукоятка косы’ [ДАРЯ III, 1, карта 43; ДАБМ, карта 262];

бороновáть ‘разрыхлять землю’ [ДАРЯ III, 1, карта 46], в новгородских говорах отмечены отдельные ареалы, изоглосса продолжается на восток в среднерусские говоры;

сиклáхи, ссяхи и др. образования от корней *сик-*, (*с*)*сак* / (*с*)*сяк-* ‘муравьи (рыжие)’ [ДАРЯ III, 2, карта 76];

стrekáва, strekýша ‘крапива’ [ЛАРНГ, карта 140];

упрáжска ‘период работы без перерыва’ [ДАРЯ III, 1, карта 53], а в современных говорах имеет значение ‘определенный промежуток времени’. Надо сказать, что ареал этой лексемы достаточно широк — на севере он захватывает говоры новгородской колонизации, а также тверские и калужские и некоторые говоры южного наречия.

Есть и другие лексические изоглоссы, объединяющие псковские и новгородские говоры, но они не включают невельские говоры (например, *жýто* ‘ячмень’, *прíвязь* ‘цепь’, *цепéц, кепéц* ‘бывающая часть цепи’ и др.).

4-й пучок — общеупралеский, он связывает рассматриваемый идиом с основным массивом псковских говоров:

лён тягáть ‘убирать лён с поля’ [ДАРЯ III, 1, карта 57; ДАБМ, карта 267];

сúпрадки ‘вечерние собрания молодежи’ [ДАРЯ III, 2, карта 93], есть фиксация и в смоленских говорах;

стóйка, стоянка ‘малая укладка снопов’ [ДАРЯ III, 1, карта 50] — более узкий ареал;

мáлец ‘мужчина’, в ряде говоров ‘неженатый мужчина’ [ПОС; ССГ; СРНГ]. В Программу ДАРЯ слово не вошло, ареал нуждается в уточнении.

5-й пучок — южнопсковские изоглоссы, которые также включают северную часть смоленских говоров:

весёлка [ДАРЯ III, 2, карта 89; ДАБМ, карта 312], сосуществует с номинацией *радуга*, захватывает часть смоленских говоров и продолжается в белорусских;

жбанóк ‘посуда для молока, ниже, чем крынка’ [ДАРЯ III, 1, карта 24];
исподки ‘матерчатые или вязаные рукавицы с одним пальцем’ [ДАРЯ III, 1, карта 35; ДАБМ, карта 333];

колотúха и **солодúха** ‘каша из муки’ [ДАРЯ III, 1, карта 28]; в наших записях есть уточнение: *колотуха* — из гороховой муки, а *солодуха* — из овсяной. Они противопоставлены названиям с корнем *мук-* (*мучáха*, *мучáнка*), распространенным в др. псковских говорах, **кулéши** — в смоленских и некоторых тверских;

печíна ‘название участка земли, на котором находится дом с хозяйственными постройками’ [ДАРЯ III, 1, карта 1], подробнее см. [Мораховская 1996]; в наших материалах иное значение — ‘брошенный, сгоревший дом, развалины дома или место, где раньше был дом’;

обичáйка ‘быющая часть цепа’ [ДАРЯ III, 1, карта 41; ДАБМ, карта 258, *абычóйка*].

6-й пучок изоглосс объединяет южнопсковские, смоленские и западную часть брянских говоров («брянский угол»), все изоглоссы уходят в белорусские говоры:

дóже ‘очень’ [ДАРЯ III, 2, карта 99; ДАБМ 322], в других говорах южного наречия *дóжсে*;

кут ‘угол, где висят иконы’ [ДАРЯ III, 1, карта 4];

лáпина ‘заплатка’ [ДАРЯ III, 1, карта 38; ДАБМ, карта 324]; в южнопсковских говорах, в смоленских и брянских говорах бытуют номинации *лáпик*, *лáпка*, все названия входят в ареал распространения дериватов от глагола *лáпить* ‘ставить заплату’;

лáда, лядíна ‘росчисть под пашню или покос’ [ДАРЯ III, 2, карта 83; ДАБМ, карта 337];

стегá, стéжска ‘тропинка’ [ДАРЯ III, 2, карта 79]; в других говорах южного наречия *стёжска*;

ховáть ‘прятать’ [ДАРЯ III, 2, карта 98].

В данный пучок мы включили лексемы, отсутствующие в Программе ДАРЯ, но приведенные в словарях рассматриваемой территории:

агréст ‘крыжовник; ягоды крыжовника’ [БОС; ПОС; ССГ; СРНГ];

могíлки ‘кладбище’ [БОС; ПОС; ССГ; СРНГ];

порéчка — общее название разных видов смородины, в невельских говорах ‘красная смородина’ [БОС; ПОС; ССГ; СРНГ].

Таблица 2

Южнопсковские говоры	Невельские говоры
Западнодвинский р-н Тверской обл. Материалы экспедиции Р. В. Ронько со студентами ВШЭ. 2023 г. ¹	Невельский р-н Псковской обл. Материалы экспедиции И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой 2006 г.
<i>Избá, избóка</i> ‘крестьянская жилая постройка’ [ДАРЯ III, 1, карта 3]	<i>Хáта, хатéна</i> ‘крестьянская жилая постройка’ Юго-западная диалектная зона
<i>Жító</i> ‘ячмень’. [ДАРЯ III, 1, карта 53] Северо-западная диалектная зона	<i>Жító</i> ‘рожь’ Юго-западная диалектная зона
<i>Прíвязь</i> ‘орудие для ручной молотьбы’ [ДАРЯ III, 1, карта 39] Псковская группа (западные среднерусские ака- ющие говоры)	<i>Цеп</i> ‘орудие для ручной молотьбы’ Южное наречие
<i>Боркáн</i> ‘морковь’ [ДАРЯ III, 1, карта 59] Северо-западная диалектная зона	<i>Мóрква</i> ‘морковь’ Юго-западная диалектная зона
<i>Кваинíй, кваинóнка</i> ‘деревянная посуда для растворения теста’ [ДАРЯ III, 1, карта 23] Северное наречие и средне- русские говоры	<i>Дéжка</i> ‘деревянная посуда для растворе- ния теста’ Юго-западная диалектная зона В других говорах южного наречия — <i>дéжá</i>
<i>Сковорóдник</i> ‘деревянная ручка для сковороды’ [ДАРЯ III, 1, карта 31]	<i>Чапельníк</i> ‘деревянная ручка у сковоро- ды’ входит в ареал номинаций с корнем <i>чап-/чеп-</i> (<i>чап-/чеп-</i>). В смоленских гово- рах и брянском углу — <i>чепéла</i> , в большин- стве южнорусских — <i>чáпля</i> , в Калужской и Московской обл. — <i>чáпельник</i> .
<i>Петúн</i> пассив. [ДАРЯ III, 1, карта 64] Северо-западная диалектная зона	<i>Петúх</i>
<i>Суýная</i> ‘об овце, носящей приплод’ [ДАРЯ III, 1, карта 67] Северо-западная диалектная зона	<i>Сукóтая, сукóтная</i> , в др. говорах южного наречия — <i>кóтная, скóтная</i>
<i>Ухváт</i> ‘приспособление для перемеще- ния горячей посуды в печи’ [ДАРЯ III, 1, карта 30]	<i>Вíлки, вíлы</i> — южнопсковские, смолен- ские говоры и брянский угол, в др. говорах южного наречия <i>рогáч</i>
<i>Лáет</i> (о собаке) [ДАРЯ III, 1, карта 72]	<i>Бréшеть</i> Южное наречие

¹ Расстояние между Невелем и Западной Двиной — 138 км.

Большинство из рассмотренных в перечисленных пучках лексем свойственно и говорам, описанным в [Ронько и др. 2024].

7-й пучок — юго-западный. Именно эти изоглоссы отделяют невельские говоры от других псковских и южнопсковских, что дало основание Захаровой и Орловой отнести их к Юго-западной диалектной зоне. Рассмотрим их в сравнении с материалами экспедиции Р. В. Ронько (см. Таблицу 2).

Таким образом, невельские говоры исторически восходят к псковским (ср. реликты системных архаизмов, а также лексику, связанную с Северо-западной и Северной диалектными зонами). В процессе развития они вобрали в себя черты окружающих идиомов — Юго-западной и Южной диалектных зон, в результате именно сочетание признаков разных диалектных образований составило их специфику. Это подсознательно ощущают и сами жители пограничья — носители говора, определяя особенности своей речи: «Большинство наших собеседников понимает при этом, что диалект, на котором они говорят, не является ни русским, ни белорусским языком — это скорее всего некое новое, третье образование, нечто промежуточное между русским и белорусским языками. Они уточняют, что это смешанный язык...» [Гетка 2012: 60]; см. [Рыко 2016].

Следует обратить внимание и на тот факт, что в структурно-типологической классификации Н. Н. Пшеничновой говоры Невельского района Псковской области обозначены как совокупность разнородных говоров Западнорусского диалектного типа, выделившаяся, в отличие от самого Западнорусского типа, лишь на четвертом уровне разбиения [ДАРЯ 3, карта III]. Их непохожесть на окружающие идиомы сказалась и в том, что они не принадлежат ни к Южнопсковскому, ни к Брянскому диалектным подтипам, на которые членится Западнорусский диалектный тип.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лексика, записанная в деревнях Невельского района Псковской обл.

Жилище и приусадебное пространство

Дом, *хáта, хатёна* ‘сруб, жилая постройка’, дом мог включать две *хаты* и *сени*; *сéни* ‘коридор между комнатами’; *дом-трристéнок* ‘пристройка: к срубу пристраиваются еще три стены’; *хорóмы* ‘большой дом’, *хорóминка* ‘родной дом’; *кут* ‘красный угол’; *набráзник* ‘полотенце на икону’; *перебóрка* ‘перегородка в шкафу’; *куфня* ‘место для приготовления пищи’; *пóгреб* ‘подпол (со входом из кухни)’; *лазéйка у кúхни* ‘вход в погреб’; *ленúшка* ‘ступенька-лежанка у печки’; *бúрак* ‘печка для отопления, без лежанки’; *грúбка* ‘маленькая печка для обогрева, с трубой’; *каптúр* ‘верхняя часть печки над лежанкой, где дымоход’; *кóжух* ‘футляр из жести для верхней части печи, где дымоход’; *зыбка* ‘колыбель, подвешивается к потолку’, *зыбить* ‘качать’: *зыбали* ребенка; *лóлька* ‘колыбель, стоит на ножках’ (как говорят, появилась позднее); *сели́ба, усáдьба* ‘дом с хозяйственными постройками и участок при доме’; *печíна* ‘брошенный дом, остатки дома, сгоревший дом’.

Помещение для содержания скота и др. хозяйственные постройки

Котúх ‘кормушка для скота’; *пúня* ‘сарай для хозяйственного инвентаря и сена’; *рíга* ‘место для сушки снопов’; *хлев* ‘отдельная постройка для скота либо пристройка при доме’, иногда *хлев* называют *скóтником*: *скóтник* и *хлев одно и то же*; *изгорóда* ‘забор’, *тын* ‘забор из жердей’.

Домашнее хозяйство

Вíлы, вíлки ‘приспособление для перемещения горячей посуды в печи’: *вíлки* *бываюt навóзные и печные*; *двойнáта* ‘сосуд из двух ёмкостей с общей ручкой’; *дéжска* ‘деревянная посуда для растворения теста’; *жбанóк* ‘глиняный сосуд для молока с широким горлом’; *золá ‘щёлок’*: в золы полоскали белье; *крайнка (крайнки)* ‘глиняный сосуд для молока с более узким горлом’; *корóмисел, корóмысел* ‘коромысло’; *кублáны* ‘плетеная емкость для хранения продуктов’; *лубянка* ‘высокая корзина для лука из лозы (коры ивы)’; *прайник, прáник* ‘палка для выколачивания белья при стирке’; *рубíха* ‘палка для гладжения белья’; *садóвник* ‘лопата, чтобы ставить хлеб в печь’; *туесóк* ‘емкость из бересты’; *самопряха* ‘приспособление для ручного прядения’; *чапельник* ‘ручка для сковороды’; *костёр*

‘поленница дров’; *груд* ‘костёр’; *кóпань, кóпанка* ‘яма с водой, пруд’; *сáжалка* ‘яма с водой, естественная или выкопанная’; *крыги, криги* ‘рыболовная снасть из жерди с привязанной к ней сеткой для ловли рыбы вдвоем’; *нóрот* ‘рыболовная снасть на каркасе из прутьев’.

Сельскохозяйственная лексика

Борновáть, борнúет ‘бороновать’; *бáбка, стойнка* ‘малая укладка снопов’; *вóйна* (устар.) ‘шерсть овцы’; *детинуха* ‘курица, которая водит цыплят’; *квохтúха, квóчка квóхчет* ‘курица, сидящая на яйцах’; *колóда* ‘улей’; *корогóд* ‘несколько рядом стоящих бабок’; *жýто* ‘рожь’; *косови́льна* ‘ручка косы, косовище’; *кулý* ‘большие снопы’, ими крыли крышу; *лугý, лúги* ‘луга в пойме реки, где косят траву’; *навóз, позéм* ‘навоз’; *ни́ва* ‘поле’; *огурéшник* ‘ботва огурцов’; *озимь* ‘всходы озимых культур’; *одóнок* ‘стог сена’; *орáть* (у старшего поколения) ‘пахать’: *на кóнях орали плúгом, орёт паласу*; *пáлец* ‘маленькая деревянная ручка на косовище’; *островкí, острóвья* ‘жердина с сучками для сушки снопов’; *пасть* ‘пасти’; *пахáть*¹ ‘возделывать рожь’: *рожь пахáть, пахáть*² (у старшего поколения) ‘мести пол’: *спахнí пыль* ‘сотри пыль’; *петúх; пóжня* ‘ровное место, где косят траву’; *помéт* ‘место, где несколько лет не пахано, не кошено’; *сбóйня* ‘жмых’; *сукóтая, сукóтная* ‘об овце, носящей приплод’; *тíна* ‘ботва’; *тягáть лён* ‘процесс ручной уборки льна’; *хряпá* ‘рубленая трава для скота’; *цеп* ‘орудие для ручной молотьбы’.

Лексика природы

Водní ‘оводы’; *батьян* ‘аист’; *дикáрь* ‘дикое место’; *живи́ца* ‘смола’; *вязóля* ‘небольшая сизая птица, похожая на голубя’; *мурáшки* ‘черные муравьи’; *ráдуга, весéлка* (было раньше) ‘радуга’; *при́род* ‘природа’; *развóдье* ‘половодье’; *пчелá, пчели́на* ‘пчела’; *сикляши, сикляхи* ‘рыжие муравьи’; *стегá, стéжска* ‘тропка, тропинка’; *хмáра* ‘пасмурная погода’; *слепнí* ‘кровососущие насекомые’.

Растения

Агрéст ‘крыжовник’; *богáтки* ‘полевое мелкоцветное растение (ка-кое?)’; *бруsníка, бруsníца* ‘бронница’; *буráк* ‘свекла’; *вéрес* ‘можжевельник’; *дед, деды, дедóвник* ‘чертополох’; *гúба, гúбы, гúбина* ‘трибной нарост на стволе дерева’; *журавíль, журавíна* ‘клюква’; *калика* ‘брюква’; *картошка* ‘картофель’; *козлякí* ‘трубчатые грибы’; *лозá* ‘кора ивы’; *мóрква* ‘морковь’; *обáбки* ‘подберезовики’, ‘опята’; *огуркí* ‘огурцы’; *ольхá*; *подберёзовик*; *порéчка* ‘смородина, красная и белая’; *пьяни́ка*,

пъяніца ‘голубика’; *стrekáva, strekíša* ‘крапива’; *тьвéт, тьвяты* ‘цветы’; *хмызник* ‘кустарник, заросли кустарника’; *черніка, черніца* ‘черника’.

Пища

Ботвінья, свекольник, холодник ‘жидкое холодное кушанье-суп из свеклы’; *вечерáть* ‘ужинать’; *журíха* ‘жидкий кисель из муки или овсяных хлопьев’; *кисéль* ‘студенистое блюдо из крахмала и зерновых культур, с добавлением молока или ягод, обычно использовалось как поминальное’; *заколóтка* ‘закваска из муки для супа из свеклы’; *колотúха* ‘каша из муки, чаще гороховой’; *комы* ‘кушанье из муки с салом внутри, иногда добавляли тертый картофель, часто использовалось на поминках, на сороки’; *кутья, куття* ‘поминальное блюдо из цельных зерен пшеницы с медом’; *лúстка, лúсточка* ‘кусок, кусочек хлеба, пирога’; *пáска* ‘пирог в виде кулича’ (пекут на Пасху); *пóливка* ‘жидкая, кислая ржаная похлебка на закваске’ (может быть мясной или постной, в мясную обычно кладут требуху); *посмáтина* ‘отходы от сбитого масла’; *расийна* ‘закваска для хлеба’; *сочéнь* ‘лепешка’; *снéтать* ‘обедать’; *солодúха* ‘каша из овсяной муки (не кислая)’; *сыр* ‘творог’; *сырница* ‘запеканка из творога’; *сыроквáша* ‘простокваша’; *тиюра* ‘жидкое кушанье типа окрошки’.

Одежда и обувь

Вáленцы ‘валенки, валеная обувь’; *исподки* ‘матерчатые или вязаные рукавицы с одним пальцем’; *лáтина* ‘заплатка’, *лáпить* ‘ставить заплату’; *поринí, в поринíх* ‘кожаная обувь’; *чúни, в чунíх* ‘обувь, которую плели из лозы (коры ивы) или льняных ниток’; *тужсúрка* ‘укороченная мужская одежда’; *тaлмúты* ‘вещи’.

Человек, семья

Братéйник ‘двоюродный брат’; *бáтька* ‘отец’; *вздóлить* ‘преодолеть что-либо’, *не вздóлить* ‘не сможешь’; *воéнишина* собир. ‘всё, что связано с военным производством и армией’: *анá рабóтала на ваéнишини*; *грибы* ‘губы’, *грибáтенький* ‘губастый’; *гúторка* ‘манера себя вести (норов, характер)’: *гúторка у нее зазнáиста, гúторку иметь к людям* ‘уметь сердечно поговорить’; *забóчий* ‘заботливый’; *избáч* ‘завклубом’; *кила* ‘мужские testикулы’; *клúша* ‘нерадивая женщина’; *лентеá* ‘танец’; *мáльцы* ‘мужчины любого возраста’; *могýлки* ‘кладбище’; *охáлить* ‘отругать’; *пéсельница* ‘женщина, умеющая хорошо петь’, *пéсни игрáют* ‘пют песни’, *с песнякóм éде* ‘с песнями едут’; *примáк* муж, пришедший жить в

дом жены'; *пáстка* 'горсть'; *разжениха* 'человек, который развелся'; *разведёнка* 'разведенная женщина'; *своетливый* 'свойский'; *сеструшка* 'двоюродная сестра'; *тикать* 'произносить частицу *ти*'; *не чула* 'не слышала'; *упráжска* 'период работы без перерыва, промежуток времени'; *хворс, форс* 'форс', *хворсítъ* 'хорошо одеваться'; *ямники* 'мужики, которые дезертировали или прятались от мобилизации'.

Наречия

Взáди 'следом'; *дю́жсе, дў́жсе* 'очень'; *лéтось* 'прошлым летом'; *напрямкý* 'напрямую'; *потóм(ъ)ка* 'потом'; *тады́* 'тогда'; *тám(ъ)ка* 'там'; *трóхи* 'немного'; *тýм(ъ)ка* 'тут'; *сюдý* 'сюда'; *до чертá* 'много'.

Междометие

Рéтуныки 'караул, тревога'.

Ударение в различных формах⁸

Бéгли, беглý, побéгли; брáла, забрáли; были, былý, не было; голóсют, голóсит; жи́ла, жи́ла, жи́ли, жи́ли, нажи́ла (ребят), *прожилá, прожилý; кра́ла, накráдем; лóжится* 'несется (о курице)', *полóжила; напудрýца* 'напудриться'; *осталáся; покры́шишь* 'покрошишь'; *посмотрíм; становя́т; тка́ла; не терпíтся; умерла, умерлá, умéр; ўди́л* 'удил'.

Браты; под бокóм; водú; на горú; городы; дóмы, домы; дочкá, дочкú; в/на землíо; зимú, под зимú; зубы́; на конó, на кóнях; корнéм, без/до корня́, корнý; корóмысел, лúги, луги́; никóго,ничóго; за ногú; под носóм; нет обозу́ (обоз); перядóм; под полóм; на/у полях; в поришиáх; рóги; скóту получа́ли; по снягú; тьвято́м (цветком); с тóго (болота); в хлевé, с хлевóв; чóснок 'чеснок'; в чуня́х; по шляху́.

Превосходная степень используется в качестве сравнительной: *наливáй теплéйшии чай* — потеплее чай; *тка́ли молодéйшии* — те, кто моложе.

Паремиологический материал

Не рáдуйся чужóму гóрю — своé рýдом.

Псковицýне тé же англицýне, тóлько нарéцця другóе.

На своём пепелíще и кóрица разúмна.

Дом на разбéг конó — очень большой.

⁸ Сбор акцентологического материала не входил в цели экспедиции; приведены формы, отличающиеся ударением от литературных.

*Костёр горыть — керосын ня лыть.
Солому ешь, а хвасон держы.
Ни сци ни грамма! — не бойся, не волнуйся.
Два друга — метель да выюга — друзья не разлей вода.
Холера тебя задери!
Как я тебя люблю — как собака палку.*

Праздники

Белый понедельник — первый понедельник после Троицы, 51-й день после Пасхи — день св. Духа;

Малая Богородица — 21 сентября⁹, Рождество Пресвятой Богородицы;

Цветной Иван — 7 июля, Рождество Иоанна Предтечи, народный праздник Ивана Купалы, загадки — обычай загадывать желание перед днем Цветного Ивана;

Петро — 12 июля, день св. апостолов Петра и Павла;

Хведосий, Федосий — 15 сентября, день памяти преп. Феодосия Печерского;

Михаила — 21 ноября, день св. архангела Михаила;

Макавей кочеюк завей — 14 августа, день памяти семи св. мучеников Маккавейских;

Ганны — 7 августа, день Успения праведной Анны, матери Богородицы;

Егорий — 6 мая, народное название праздника в честь вмч. Георгия Победоносца; на Егория скот перед первым выпасом обносили иконой, выгоняли его с вербой, пастих или кто-то другой трижды стрелял из ружья;

Сороки, на Сороки — 22 марта, день памяти Сорока мучеников севастийских; в этот день, по народному календарю, зима кончается — весна начинается, праздник прилета птиц, пекли обрядовое печенье;

Осенние родители — Димитриевская суббота, день всеобщего поминовения усопших, родительская суббота, отмечается перед днем памяти св. Димитрия Солунского, 8 ноября.

На все праздники собирали складчину и гуляли деревней: *гъли* 'гулянка'; *брыйксы, бриксы* 'гуляния вскладчину'.

---

⁹ Даты даются по новому стилю.

Обряды и обычаи

боярки ‘подружки невесты’;

богатки и деды – растения, которые засушивали и использовали в виде оберега, через год сжигали, их дымом окуривали покойников;

взять лук с трёх рук – взять лук для посадки у трех человек, чтобы он лучше уродился;

голосить по покойнику, голосит, голосят ‘обрядовый плач’;

делать ‘применять магические знания, колдовство’, *отделать* ‘избавлять от болезни, которую наслал колдун’;

залом ‘способ вредоносной магии – скручивание пучка ржи’, по поверью, если женщина сожнет такой пучок, то может умереть;

крапива служила оберегом, ее вешали над дверью и над окнами;

мак тоже был оберегом, на Ивана Цветного обходили дом и др. постройки, посыпая мак;

навозная толока ‘коллективная помощь по вывозу на поле навоза’;

недобрики, нечистики ‘бесы, потусторонние злые силы, черти, обитающие в том числе и в бане’;

отправки ‘проводы в армию’;

пожинки ‘конец жатвы, праздник по этому поводу’;

супрядки ‘собрания девушек, раньше с работой’.

Образцы текста (мифологические рассказы)

Информантка — **Тищенко Екатерина Яковлевна**, 1923 г. рождения, имеющая 7 классов образования, д. Лобок Невельского района Псковской области (см. подробнее [Букринская, Кармакова 2018]). Текст дается в орфографической записи с сохранением грамматических особенностей и отдельных фонетических черт.

О нечистой силе

Нячистики, оны живуть у бáне. Ну, я ходила мыться, поздно ходила, не боялась, а тák, чтоб ночувáть у бáню... И сеуóдня боюсь, были и рáньше — предавáлися¹⁰, но рáньше было мнóго колдунóв, поéтому так и предавáлося. И онó и тепéрь до чертá. Тепéрь накупляли кних — чёрная ма́гия — и поуáнют, не колдúют, а поуáнют. Одна сколдовáла своему мужику — хотéла приворожить, чтоб он ей не изменя́ў, а éто усé

¹⁰ Передавали магические знания другому человеку.

появрнúлось, да на её. И онá стáла умира́ть, тады поéхала к бáбкам просить, чтоб ей éто отдéали¹¹. Есть такáя бáбка у Белорúсии. Онá ұоворить: «уовори́ пра́йду, інáче я тебя лячить ня бу́ду. Ты чтó-то дéлала¹²?» Тады онá признáлась: «А я купíла кни́гу ету, вы́читала, а мужик у мóре ходи́ў, дык я, чтоб не изменя́ў ён мне, хотéла яў приворожи́ться». Онá ұоворить: «А э́то приворожéние яви́лось на тебé на саму́». Ни однó зло зря не прохóдить.

Залом

Мой свéкор, он умér в трíдцать шастýм үодý, и он плохóе не дéлаў, но знáў¹³, а жéншины там рáньше у ржí залáмывали залóмы. Вот такéй залóм залóмять. Если этот залóм зажнéшь рукой, то тебя усю вот так покалáпает¹⁴... руку залáмывает. И онá дожáлась, éта Ермолáевна, и ұоворить: «Кондráш, у нашем жíте залóм залóмен!» — «Ня трóнь, я сейчáс возьмý. Прибеу́ть тáя үáдина, которая éта сдéлала».

Он принéс залóм и у трубу́, русскáя печ, трубá, и он откры́у эту вы́ошку и у трубу́ уложи́ў, а рáньше пéчки топíли-то кáждый день. Залóм стáу сохнуть, éта сméрти... прибяу́ить сын: «Кондráш Корнéев! Будь дóбрый, дай воды — мáтка умира́ить!» Он ұоворить: «Пусть умира́ить, не дáм воды. Больше үáдости нам дéлать ня бу́дете, онá залóм мне заломýла. Не дáм, иди́ домой!» Не дáў. Побéх, а там онá умерлá, е́сли бы ён не вы́няў этот... залóм бы засóх, и онá кончылась. Прибяу́еть дру́гей раз: «Будь дóбрый (на колéнки встáу), умолáю, дай воды!» — «Ну, иди́, скажí ей, чтоб больше э́того не дéлала». Он воду́ давáть не стáу, а залóм с трубы вýнуў. Ина встáла и пошлá. Вот такéи бýли колдуны.

А рáньше, э́то, залóмоў неисчислýмо бýло. А хтó не знáў, сожнéть и, зáчить, вот тák все руки покалáпают. Вот э́то колдуны бýли.

Обереги

Крапи́ву вéшали — это от колдуноў, на́до бýло у кáждое вокнó, у кáждую дверь. И на́до было мак, обязáтельно, и три разы обойти кру́гом пост्रóйки и посыпать яў, но нýмноú и приуóвáривают: «Ведьмáк, иди́ подбирáй мак!» Потому́ что он мак никáк не подберéть. Да, э́то былó. Тepéрь усé забýли, тепéрь нéчеуо кулдува́ть, ни хóзяйства, ничеуо нет

¹¹ Избавили от болезни.

¹² Применяла магические знания, колдовство.

¹³ Обладал магическими знаниями.

¹⁴ Покалечит.

и кулдувáть. Да́же к бáбум ходíли, и онý ұоворíли: «Обязáтельно перед Ивáном обойдítе пострóйку и посыпáйте мак и ұоворíте: “Ниче́гó не подберéть, ниче́гó не сдéлаеть!”»

Источники

- БОС — Брянский областной словарь / авт.-сост. Гарбузова Е. П. и др. Брянск, 2011. 2-е изд.
- ДАБМ — Даýлекталагíчны атлас беларускай мовы. Минск, 1963.
- ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. М., 1986. Вып. I. Фонетика. Карты.
- ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. М., 1989. Вып. II. Морфология. Карты.
- ДАРЯ III, 1 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. М., 1997. Вып. III, ч. 1. Лексика. Карты.
- ДАРЯ III, 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. М., 2004. Вып. III, ч. 2. Синтаксис. Лексика. Карты.
- ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. М.; СПб., 2017. Т. 1. Рас-
тительный мир.
- НОС — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мыз-
ников. СПб., 2010.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. Б. А. Ларин и
др. Л., СПб., 1967–2024-. Вып. 1–29-.
- СОС — Селигер: материалы по русской диалектологии. Словарь / гл. ред. А. С. Герд.
СПб., 2003–2020. Вып. 1–8
- ССГ — Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой,
Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколе-
тов, С. А. Мызников. Т. 1–52. М.; Л., СПб., 1965–2021.

Литература

- Абраменко и др. 2013 — *O. A. Абраменко, С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая. Системы соотношения gen и dat.-loc. в восточнославянских язы-
ках: сравнительно-исторический аспект // Исследования по славянской диалек-
тологии. М., 2013. Вып. 16. С. 63–165.*
- Белорусско-русское пограничье 2005 — Белорусско-русское пограничье. Этнологи-
ческое исследование / отв. ред. Р. А. Григорьева, М. Ю. Мартынова. М., 2005.
- Большакова 2017а — *Н. В. Большакова. Сопоставительный диалектный словарь
псковско-белорусского пограничья // Ученые записки Новгородского государ-
ственного университета им. Ярослава Мудрого. 2017. № 3 (11). [Электронный*

- ресурс] URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1086522> (дата обращения: 11.05.2025).
- Большакова 2017б — *Н. В. Большакова*. Словарь псковско-белорусского пограничья. Проект. Псков, 2017.
- Бузук 1926 — *П. А. Бузук*. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Менск, 1926.
- Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Тер-Аванесова*. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. М., 2008. Вып. 13. С. 118–179.
- Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2017 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Тер-Аванесова*. Изоглоссы псковско-витебского пограничья // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода I вып. «Псковского областного словаря с историческими данными»). Псков, 2017. С. 40–57.
- Букринская, Кармакова 2018 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова*. Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной деревне // Исследования по славянской диалектологии. М., 2018. Вып. 19–20. С. 95–107.
- Букринская, Кармакова 2020 — *И. А. Букринская, О. Е. Кармакова*. Образец говора белорусско-русского пограничья: мужская речь // Исследования по славянской диалектологии. М., 2020. Вып. 21–22. С. 127–138.
- Галинская 2021 — *Е. А. Галинская*. Некоторые аспекты эволюции новгородского диалекта с конца XVI до середины XX в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2. С. 206–218.
- Гетка 2012 — *Й. Гетка*. «Каждому народу свой язык хороши», или об отношении к своему идиому жителей белорусско-российского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. М., 2012. Вып. 15. С. 56–71.
- Глускина 1962 — *С. М. Глускина*. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 28–57.
- Глускина 1979 — *Глускина С. М.* Морфонологические наблюдения над псковскими говорами (смятенные и несмятенные согласные в исторических чередованиях) // Псковские говоры. Л., 1979. С. 113–125.
- Захарова, Орлова 1964 — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология. М., 1964. С. 227–297.
- Захарова, Орлова 1970 — *К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова*. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Зорин 1927 — *Н. И. Зорин*. Вопрос об этнографическом составе населения Невельского уезда в связи с диалектными особенностями местного говора, с данными истории местного края и экономическими центрами его тяготения // Познай свой край. Сборник Псковского общества краеведения. Псков, 1927. Вып. 3. С. 33–64.
- Карский 1908 — *Е. Ф. Карский*. Белорусы. Варшава, 1908. Т. 2: Язык белорусского племени.
- Мораховская 1996 — *О. Н. Мораховская*. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М., 1996.

- Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. И. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187–225.
- Пшеничнова 1996 — Н. Н. Пшеничнова. Типология русских говоров. М., 1996.
- Ронько и др. 2024 — Р. В. Ронько, А. Д. Анисимов, Е. А. Заливина, С. А. Землянская. Изменение лексического строя в русских диалектах: случай одного псковского говора // Вопросы языкоznания. 2024. № 3. С. 27–44.
- Рыко 2016 — А. И. Рыко. О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья (Невельский район Псковской области) // Севернорусские говоры. СПб., 2016. Вып. 15. С. 71–88.
- Рыко 2017 — А. И. Рыко. Пограничные говоры Невельского района Псковской области: разнообразие и степень сохранности // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2017. С. 453–497.
- Рыко 2018 — А. И. Рыко. Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области // Slovène. 2018. Т. 7, № 2. С. 303–320.
- Соколов 1919 — Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии // Труды Московской диалектологической комиссии. М., 1919. Вып. 8. С. 1–12.
- Янковяк 2015 — М. Янковяк. Говоры Себежского и Невельского районов Псковской области как пример белорусско-русских переходных (смешанных) диалектов // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе. Тезисы докладов Международной научной конференции. М., 2015. С. 224–226.
- Тер-Аванесова 1998 — А. В. Тер-Аванесова. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного чила существительных *a*-склонения // Восточнославянские изоглоссы. М., 1998. Вып. 2. С. 170–195.
- Тер-Аванесова 2002 — А. В. Тер-Аванесова. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа в восточнославянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. Вып. 8. С. 168–209.
- Трубачев 2002 — О. Н. Трубачев. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2002. Вып. I (VII). К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. С. 5–25.

Summary

*Irina A. Bukrinskaya,
Olga Ye. Karmakova*

**The Russian-Belarusian borderland:
the history of study and lexical originality**

The article is devoted to the history of the Pskov-Vitebsk border region, it compares the studies of E. F. Karsky, N. N. Sokolov, P. A. Buzuk, N. I. Zorin with the data of modern expeditions, and also compares various classifications of Russian dialects. The authors describe in detail the dialects of the Nevelsky district of the Pskov region, based on their own materials collected in the field in 2006.. The paper concludes that the dialects in question historically date back to Pskov: they preserve relics of systemic archaisms, as well as vocabulary associated with the Northwestern and Northern dialect zones. In the process of development, they absorbed the features of the surrounding idioms, as a result, it was the combination of features of different dialect formations that made up their specifics.

Keywords: Russian-Belarusian borderland, lexical isoglosses, dialect division, systemic archaisms, Pskov dialects.